

Л МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТОР

ОСНОВАНА В 1958 ГОДУ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РОССИИ

№4, февраль, 2019 г.

ДЕНЬ ПАМЯТИ М.А. ШОЛОХОВА

21 февраля Союз писателей России почтил память великого русского советского писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова. Писатели провели торжественный митинг возле памятника нашему общенациональному классику на Гоголевском бульваре в Москве. День памяти М.А. Шолохова открыл Председатель Правления СП России Н.Ф. Иванов, подчеркнувший, что Нобелевский комитет вручил премию автору романа "Тихий Дон" "За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время". С благодарностью за память о великом писателе выступил А.М. Шолохов — внук М.А. Шолохова, заместитель Председателя Комитета по культуре Государственной Думы ФС РФ. Своё слово о творчестве классика сказал Сопредседатель Правления СП России, депутат Государственной Думы С.А. Шаргунов. Выразил готовность проводить подобные памятные мероприятия вместе с СП России заместитель главы управы "Хамовники" С.А. Чеботарёв. О необходимости сохранения памяти о великом сыне России говорили представители кадетского корпуса им. М.А. Шолохова. От Республики Дагестан, с родины Расула Гамзатова выступил Народный поэт Дагестана, Председатель Правления СП РД М.А. Ахмедов. После торжественного митинга писатели возложили цветы к памятнику.

Наш корр.

Фото Бориса ИВАНОВА

ПАМЯТИ ПАВШИХ, ВО ИМЯ ЖИВЫХ!

Московская городская организация Союза писателей России, в рядах которой состоит много писателей-ветеранов интернациональных войн и локальных конфликтов, приняла активное участие в торжественном памятном мероприятии у мемориала "Воинам-москвичам, погибшим в Афганистане", посвящённом 30-ой годовщине со дня окончания боевых действий в Республике Афганистан и церемонии закладки капсул с землёй под закладной камень начала строительства Храма ветеранских организаций участников боевых действий святого мученика Игнатия Богоносца, святого Антиохийского.

Русская православная церковь всегда призвала своих сыновей на защиту Отечества, и вполне справедливо и закономерно, что на прилегающей к мемориалу территории начинается строительство Храма ветеранских организаций участников боевых действий, который гармонично дополняет и символически насыщает этот значимый для России и столицы мемориальный комплекс. Этот комплекс уже становится местом духовной силы и символом единения ветеранов всех

локальных конфликтов. Имя священномученика Игнатия Богоносца, святого Антиохийского, в честь которого возводится Храм, имеет особое значение для ветеранов — он родился в древнем городе Сирии — Антиохии в последние годы жизни Спасителя и навсегда остался защитником этой героической земли.

Мероприятие проходило при поддержке Правительства Москвы, Префектуры ВАО, московской патриархии, по инициативе Перовского клуба "Долг" и при содействии других ветеранских организаций столицы.

Ведущим мероприятия стал член Московской городской организации Союза писателей России, участник войны в Афганистане, председатель "Московского Союза организаций участников войн и боевых операций", представитель Московского Комитета ветеранов войны Дмитрий Попов.

В торжестве также приняли участие представители Московской городской Думы, префектуры ВАО, Управы района Новогиреево, Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы, Комитета общественных связей и молодежной полити-

ки города, Восточного викариата Русской православной церкви, Объединения ветеранов войны в Афганистане и ветеранов боевых действий "Ветеран-Центр", ветеранских организаций Москвы, правления Московской городской общественной организации семей военнослужащих, погибших в Афганистане, Московской городской общественной организации пенсионеров, ветеранов, юнармейцы и кадеты Восточного округа столицы.

Событием этого дня стало шествие "Бессмертный Контингент", в котором приняли участие более полутора тысяч людей. Фотографии погибших в Афганистане и умерших от болезней и ран уже в мирное время солдат и офицеров несли не только члены их семей и сослуживцы, но и молодое поколение москвичей. В этом был яркий пример преемственности поколений, передачи жизненного и боевого опыта.

После официальной части состоялась закладка капсул. На одной из закладываемых капсул, сделанных в виде гильз, была гравировка "Афганистан", в ней горсть афганской земли, политая кровью наших воинов, и горсть земли из основания мемориала, политая слезами матерей. На второй гильзе — надпись "Сирия", в ней находится земля, привезённая из Сирийской Арабской Республики, где наши русские воины героически защищают интересы нашего государства и не дают распространиться терроризму. В третьей гильзе — грамота, подписанная владыкой Пантелеймоном, свидетельствующая о том, что состоится церемония основания Храма-Памятника в честь поминовения всех воинов, погибших за Веру и Отечество в локальных конфликтах. После возложения цветов к памятнику и мемориалу состоялся крестный ход в ознаменовании начала строительства Храма.

Это торжественное и пронзительное мероприятие ещё раз ярко и массово подтвердило, что мы все помним и чтим наших воинов — сыновей, мужей, отцов, которые защищали нашу страну за пределами Отечества!

Москва отдала святую дань памяти тем, кто с честью прошёл нелёгкие испытания на прочность и силу духа и вписал яркие страницы в летопись родного города и в историю нашей государственности.

Нина ПОПОВА

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Нины ПОПОВОЙ
Ирины ЛЕСНОЙ-ИВАНОВОЙ
Юрия РЫЧЕНКОВА

ПРОЗА

Ивана ЕВСЕЕНКО
Дмитрия КРАСНОВА

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В соответствии с решением Правления Региональной общественной организации "Московская городская организация Союза писателей России" от 28.01.2019 г. Общее собрание МГО СПР (в форме собрания представителей) состоится 5 марта 2019 года в Большом зале Центрального Дома Литераторов (г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 53) в 12.00. Начало регистрации делегатов в 11.00.

Повестка дня Общего собрания:

1. Отчёт Председателя РОО МГО СПР о работе организации в 2018 году и основных направлениях деятельности в 2019 году.
2. Отчёт Главного бухгалтера РОО МГО СПР об итогах финансовой деятельности организации за 2018 год и проекте финансового плана на 2019 год.
3. Отчёт Ревизионной комиссии РОО МГО СПР.
4. Разное.

ВETERАНСКИЕ ВЕСТИ

В ГОСДУМЕ ОТКРЫЛАСЬ ФОТОВЫСТАВКА «ВETERАНСКИХ ВЕСТЕЙ», ПОСВЯЩЕННАЯ ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ

Москва — "Ветеранские вести". 15 февраля в нашей стране отметили День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества и 30-летие вывода Ограниченного контингента советских войск с территории Афганистана. В канун этой знаменательной даты в Государственной Думе под эгидой Комитета по обороне и Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов открылась выставка, организованная Информационным агентством "Ветеранские вести", которое возглавляет Вячеслав Калинин.

ФОТОВЫСТАВКУ торжественно открыл Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин, отметив важность подобных проектов и поблагодарив создателей за высокий уровень организации выставки. От Государственной Думы председателю Всероссийской общественной организации "Боевое братство", Герою Советского Союза, командующему 40-й армией в 1987-1989 годах Борису Громову и председателю Союза десантников России, Герою Советского Союза Валерию Востротину были вручены почётные грамоты "За активное участие в общественной деятельности и военно-патриотическом воспитании молодёжи".

В основе экспозиции — свыше 150 уникальных фотографий времён Афганской войны, многие из которых впервые демонстрируются широкой публике. Кроме этого в выставке

представлены уникальные экспонаты того времени из личных архивов воинов-интернационалистов. Кроме этого вниманию гостей были впервые представлены — переиздание "Книги Памяти" о советских воинах, погибших в Афганистане и уникальный проект "История, рассказанная народом".

В открытии выставки приняли участие заместитель Председателя Государственной Думы, руководитель фракции "Единая Россия" Сергей Неверов; лидер ЛДПР Владимир Жириновский; глава КПРФ Геннадий Зюганов; председатель "Справедливой России" Сергей Миронов; председатель комитета Госдумы по обороне, Герой России, генерал-полковник Владимир Шаманов; председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Ярослав Нилов; сенатор, лидер РСВА Франц Клинецвич; Герой России Сергей Липовой; Герой России Игорь Станкевич; редактор "Ветеранских вестей" Александр Суслонев; депутаты Государственной Думы; лидеры ветеранских общественных организаций, воины-афганцы.

В копилке "Ветеранских вестей" — свыше 30 уникальных фотовыставок, проведённых в Государственной Думе ФС РФ, Общественной палате России, Парке "Патриот", в ЦСКА и на других значимых площадках. Ряд проектов "Ветеранских вестей" демонстрировался в Сирийской Арабской Республике на авиабазе "Хмеймим" и порту "Тартус". Проекты "Десантный характер!", "Афган. Помним!", "Ветеранам неизвестных войн", а также фотовыставки, посвящённые участию советских и российских воинов в войнах и локальных конфликтах в Афганистане, Сирии, Корею, Египте, Вьетнаме, Кубе и другие — заслужили высокую оценку руководства страны.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

«НАШ СОВРЕМЕННОК» В БАЛАШИХЕ

15 ФЕВРАЛЯ в Центральной городской библиотеке им. Ф.И. Тютчева г. Балашихи МО прошла встреча с редакцией и авторами журнала "Наш современник". Встреча была долгожданной для читателей, и, как оказалось, полезной для сотрудников и авторов журнала.

"Наш современник" очень любим нашими читателями. Об этом очень красноречиво сказала, открывая литературный праздник, директор МБУК "ЦБС" Л.Н. Покрасова: "Именно этот журнал объединяет все патриотические силы России, по праву считается знаменем всей русской национальной культуры, именно здесь печатали свои произведения Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Вадим Кожин, Юрий Кузнецов и другие столпы нашей отечественной литературы XX века. Здесь мы знакомимся с произведениями нового молодого поколения литераторов, которые занимают сейчас первые позиции литературных рейтингов. Каждый номер журнала знакомит нас, читателей, с творчеством нового талантливого писателя или поэта, заставляя нас думать, сопереживать, любить свое Отечество, свой народ, свой язык, знать свою историю и свою культуру".

Ведущий встречи, первый заместитель главного редактора Александр Казинцев рассказал о работе редакционной коллегии в сегодняшних непростых условиях, когда редакции приходится бороться, чтобы выживать и держать журнал на прежней высоте. Замечательно, что у журнала столько друзей по всей стране, что журнал востребован читателями, что по-прежнему открывает новые талантливые молодые голоса.

Участникам встречи были представлены литературный критик Яна Сафронова, молодые поэты Олег Малинин и Карина Сейдаметова, возглавившая недавно отдел поэзии журнала. Каждый из них познакомил со своим творчеством, рассказал о себе, о своем жизненном кредо. Искренно, уверенно и ярко звучал каждый голос! Все разные, но все объединённые талантом, любовью к литературе, к творчеству.

Рассказ о жизни, ритме и заботах журнала закончил заместитель главного редактора, заведующий отделом критики, большой друг нашей библиотеки, русский писатель, критик, публицист Сергей Куняев. Несколько лет Сергей Станиславович является председателем жюри литературного конкурса "Ф.И. Тютчев в пророк в своем Отечестве", именно он долгие годы поддерживает библиотеку, ЛИТО "Метафора" Городского округа Балашиха. Его выступления всегда оставляют неизгладимое впечатление, заставляют задумываться над своей жизнью, заряжают оптимизмом, прививают вкус к хорошей настоящей литературе. Наша литературная общественность следит за творчеством этого писателя, и мы гордимся, что каждая вновь вышедшая его книга — это повод собрать читателей и с одними из первых открыть, прочитать и поговорить о ней с автором.

По окончании встречи, конечно, было много вопросов, читателям хотелось лично поблагодарить гостей за этот замечательный вечер. В зале было много молодежи, и это замечательно!

Поблагодарив администрацию библиотеки за теплый прием, душевную встречу и читательский интерес к журна-

лу, А.И. Казинцев отметил: "Пусть эта встреча в Балашихе является началом нашей новой работы с читателями Подмосковья. Мы видим лица и глаза молодого читателя, видим и чувствуем живые эмоции и ещё больше понимаем, что наш труд не напрасен, что надо больше встречаться со своим читателем. Спасибо, Балашиха!".

Наталья КРЫЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ М.А.ШОЛОХОВА

19 ФЕВРАЛЯ в Культурном центре имени Михаила Александровича Шолохова, в Детской библиотеке Москвы № 128, прошёл семинар "Шолохов в XXI веке".

В нём приняли участие: заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ внук писателя

Александр Михайлович Шолохов, генеральный директор ГРУК г. Москвы "ЦБС ЮВАО" Сергей Владимирович Чуев, ответственный секретарь Синодального комитета по взаимодействию с казачеством Русской православной церкви иерей Тимофей Чайкин, представители казачества, председатель землячества ростовчан "Донская станица" Сергей Анатольевич Липовой, советник Верховного атамана Союза казаков-воинов России и Зарубежья Павел Иванович Платов и шолоховед, литературный критик, писатель Пётр Иванович Ткаченко.

Накануне дня памяти Михаила Шолохова в библиотеке обсудили актуальные вопросы творчества писателя и его вклад в понимание роли казачества. Знание особенностей казачьих укладов помогло автору создать ярких героев. Про них можно подумать, что они действительно жили, а не были придуманы.

Главной темой работы семинара стало творчество Михаила Шолохова, современный взгляд на наследие писателя. Пётр Ткаченко презентовал свою новую книгу "Какую Библию читал М.А. Шолохов" с одноимённой повестью, вышедшей также в сокращении в журнале "Дон" № 10-12, 2018 г. и альманахе "У Никитских ворот" № 2-4, 2018 г.

В нынешнее мировоззренчески невнятное время мы ищем духовный смысл нашей истории и жизни. И нередко находим его в великой русской литературе, которая уже по-

стигла многие аспекты человеческого и народного бытия, и над которыми мы бьёмся и сегодня. Но так складывалась наша народная и государственная судьба, что литература толковалась зачастую или с точки зрения "передовых" революционных учений, или — господствующей идеологии. До такой степени, что история литературы оказалась, по сути, подменённой историей революционного движения, "освободительного" движения в своей стране. А потому теперь, нашей главной задачей является перечитывание классики, постижение её духовно-мировоззренческой основы. На этом пути нас ждёт немало открытий, сегодня столь необходимых. Об этом убедительно свидетельствуют литературно-критические повести о "Тихом Доне" литературного критика, публициста и прозаика Петра Ткаченко. В своих работах он замечает то, что исследователями по тем или иным причинам оказалось просмотрено. И мы убеждаемся в том, что роман "Тихий Дон" остаётся всё ещё не вполне прочитанным и что, великое творение духа, он со временем открывается новыми смыслами и значениями. Убеждаемся и в том, что литература не повергается только "современностью", потому что "несовременное искусство не бывает" (А. Блок).

Катерина БЕДА

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

СЕМЁНУ БОРЗУНОВУ – 100!

Правление
Московской городской организации
Союза писателей России
сердечно поздравляет
известного русского советского писателя,
участника Великой Отечественной войны,
Заслуженного работника культуры РФ

Семёна Михайловича БОРЗУНОВА

со 100-летием.

Дорогой Семён Михайлович!
В дни выдающегося юбилея
желаем Вам крепкого здоровья,
жизненного благополучия
и творческого вдохновения!

ЕВГЕНИЮ ТЕСЛЮКУ – 90!

Правление
Московской городской организации
Союза писателей России
сердечно поздравляет
известного русского советского
писателя и учёного,
доктора технических наук

Евгения Васильевича ТЕСЛЮКА

с 90-летием.

Дорогой Евгений Васильевич!
В дни выдающегося юбилея
желаем Вам крепкого здоровья,
бодрости духа
и успехов в творчестве!

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

«ТАЛАНТ ИЗ РЯДА ВОН, СИЛА...»

В.Д. Спасович — преподаватель, литератор, адвокат

Владимир Данилович Спасович родился 16 января 1829 года в небольшом белорусском городке Речица. Отец его, Даниил Осипович, поляк по национальности, служил уездным врачом в Речице (с 1832 г. стал инспектором Минской врачебной управы). Мать, Феофила Михайловна Крейц, немка, была дальней родственницей героя Отечественной войны 1812 г. генерала барона К.А. Крейца.

Позднее Владимир Данилович так изложил свое происхождение: "Я происхожу из смешанного брака, заключённого при условиях, еще не требовавших, чтобы все дети были православные, когда один из родителей православного исповедания. Отец мой и мы, сыновья, были православные, сестры мои — римские католички по матери".

СПОСОБНЫЙ и даровитый, Володя Спасович сразу поступил в 4-й класс Минской гимназии, которую окончил в 1845 году с золотой медалью. В том же году он успешно сдал вступительные экзамены на юридический факультет Петербургского университета.

В 1849 году юноша окончил университет со степенью кандидата прав и поступил на службу в канцелярию Министерства юстиции.

Через два года молодой чиновник защитил диссертацию на звание магистра международного права. Диссертация называлась "О правах нейтрального флага и нейтрального груза" и принесла Спасовичу европейскую известность. Примечательно, что некоторые её положения закрепились в актах Парижского конгресса 1856 года как международные законы.

После защиты диссертации Спасович начал читать лекции по гражданскому праву в родном университете, а с 1857 года, когда там открылась вакансия профессора, стал профессором и возглавил кафедру уголовного права. Его лекции по уголовному праву стали пользоваться успехом у студентов, их стали посещать даже студенты других факультетов. Было тогда Спасовичу всего 28 лет.

"Нет профессии, которая была бы мне больше по душе, как профессорская на пользу студентам", — признается он позднее и посетует, что если бы судьба была чуть более к нему милостива, то он многие годы продолжал бы читать лекции.

Однако 1861 год — год освобождения крестьян от крепостного права — стал переломным и в жизни молодого профессора.

Начиная с сентября 1861 года, в Петербурге и других университетских городах прокатились волны студенческих волнений. Основной причиной послужили жесткие меры в отношении студентов, а именно — изданные накануне "Правила" запретили студенческие сходки, депутатии, любые жалобы и свели к нулю практику освобождения нуждающихся студентов от платы за учёбу с целью "ограничить наплыв в университеты бедняков".

В тот период высшее учебное начальство и, в частности, Петербургского учебного округа обязало профессоров подключиться к репрессиям против смутьянов.

Но Спасович и еще 14 из 29 членов учебного Совета возразили: "Полицейские обязанности не входят в круг деятельности профессоров".

А после того как в Петропавловскую крепость заключили 300 арестованных студентов, в знак протеста пять профессоров (К.Д. Кавелин, Спасович, А.Н. Пыпин, М.М. Стасюлевич, Б.И. Утин) и вслед за ними ректор, более 20 лет возглавлявший университет академик П.А. Плетнев — тот самый, кому А.С. Пушкин посвятил роман "Евгений Онегин", подали прошение об отставке.

ОСТАВИВ "альма-матер", Спасович до 1864 года работал обычным преподавателем в Училище правоведения. В тот период он издал свой "Учебник уголовного права", за который получил степень доктора права.

Однако власти усмотрели в этом учебном пособии крамолу. Материалы об учебнике и его авторе были доложены императору.

Вскоре по его во высочайшему повелению была создана комиссия во главе с шефом жандармов В.А. Долгооруковым (основными экспертами в ней были сотрудники III отделения). Названная комиссия "обскакала" учебник и нашла в

нем 36 мест, "в которых содержались враждебные мысли", дурно пахнущие нормами "этиологии Запада".

Резолюция комиссии была сродни судебному приговору: "Учебник уголовного права" В.Д. Спасовича изъять из учебных руководств, а самого автора отстранить от преподавания".

Опальному профессору пришлось искать место для научно-педагогической работы в провинции. В 1864 году Владимир Данилович был избран профессором кафедры уголовного права Казанского университета. Но, к сожалению, в столице "зарубили" его избрание.

После этого Спасович окончательно простился с надеждами на профессорскую деятельность.

НЕКОТОРОЕ время он занимался журналистикой и литературным творчеством в газете "Санкт-Петербургские ведомости" и в журнале "Вестник Европы". К слову сказать, весьма успешно.

Следует отметить его критические, литературно-публицистические статьи, посвященные творчеству Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Сенкевича, Байрона, Гёте, Шиллера, Шекспира и других. Тогда же он написал статью "Взгляд на русскую литературу, на её главные органы и партии в конце 1858 года", которая печаталась с продолжением в газете "Слово".

Также Владимир Данилович долгое время возглавлял в Санкт-Петербурге Шекспировский кружок, куда входили Ф.Ф. Кони, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев и другие именитые люди.

В дальнейшем Спасович издал десять томов своих сочинений на юридические, литературные, исторические, философские темы. К слову сказать, в 1981 году была издана его книга "Сочинения по литературоведению".

В ПЕРИОД журналистской деятельности Владимир Данилович твердо решил связать дальнейшую судьбу с нарождавшимся в России новым институтом — адвокатурой.

Как свидетельствуют документы, заявление с просьбой принять его в присяжные поверенные Петербургского судебного округа Спасович подал одним из первых — 21 марта 1866 года. А с 31 мая того же года Владимир Данилович стал адвокатом.

Именно на поприще адвокатуры Спасович снискал себе высочайший авторитет общественного деятеля и судебного оратора. Его судебные речи публиковались в газетах, издавались отдельными книгами, а залы судебных заседаний, где выступал Спасович, всегда были переполнены.

"Спасович являлся не только своеобразным, глубоким и талантливым представителем адвокатуры, но и всею своей деятельностью на этом поприще преподавал достойные самого внимательного изучения приемы и способы, согласные с непосредственными целями и, вместе с тем, с общественными задачами адвокатуры", — такую характеристику ему дал выдающийся русский юрист и адвокат А.Ф. Кони.

В то же время известный русский адвокат и философ В.И. Танеев, вспоминая о лекциях Спасовича в Училище правоведения, писал, что Владимир Данилович шокировал слушателей "невероятным косноязычием".

И далее Танеев говорит: "Он не мог хорошо сказать двух слов. С невероятными усилиями он как бы выжимал из себя каждое слово, помогая себе руками, ногами, головой, всем корпусом. Он раздражал всю нервную систему..." Правда, Танеев признает: "Благодаря постоянному, упорному труду, страшным усилием он, как Демосфен, выработал из себя первого русского оратора. <...> Каждая мысль у него была картиной, каждое слово образом".

А вот свидетельство коллеги и биографа Спасовича — А.Д. Ляховецкого: "Когда поднимается со скамьи защитой неслепая, неуклюжая фигура В.Д., когда он, заикаясь и переваливаясь, начинает свою речь, в зале среди публики, ожидавшей увидеть иную фигуру и услышать иной язык, раздается шёпот недоумения. Многие не верят, что это в самом деле тот знаменитый оратор, который способен чаровать и вызывать восторги. Первые фразы его речи неприятно поражают слух. Они вялы, неуклюжи и произ-

водят впечатление тяжелой работы. Вам кажется, что слово не даётся оратору, что оно является на свет в потугах и муках борьбы. Но проходит несколько минут, и перед вами развертывается дивная художественная поэма, богатая яркими красками, оригинальными картинами, неожиданными сравнениями, поражающая остроумием и силой обобщающего анализа".

СОВРЕМЕННОКИ признавали глубокий ум Спасовича, его обширные энциклопедические знания, беспощадную логику, искренность и убежденность.

Одновременно его считали виртуозом колоритного, часто "неправильного", или, выражаясь современным языком, "непечатного", но всегда точного, острого, меткого и образного слова.

Это подтверждает в своих воспоминаниях упомянутый выше А.Ф. Кони: "В числе многих и многие годы я восхищался его оригинальным, непокорным словом, которое он вбивал, как гвозди, в точно соответствующие им понятия, любился его горячими жемами и чудесной архитектурой речи, неотразимая логика которых соперничала с глубокой их психологией и указаниями долгого, основанного на опыте житейского раздумья".

Спасович был одним из тех немногих адвокатов, который брался за очевидно проигрышные дела. И хотя ему не удавалось добиваться оправдания своих подзащитных, но зато он часто добивался справедливости.

Показателен в этом отношении "процесс 17-ти" против четырехжды покушавшихся на царя народовольцев. Спасович взялся защищать супругов Александра и Розу Прибылевых.

Обвиняемые были причастны к динамитной лаборатории, продукцией которой и пытались убить царя. Однако Прибылевы отрицали, что знали о преступных намерениях своих подельников.

Свою речь Спасович посвятил тому, что его подзащитные должны проходить по статье не "умысел на царевубийство", а "приготовление к бунту".

"Не только преступление не дозрело и не только было открыто заблаговременно так, что ни покушений, ни смятений, ни других вредных последствий не произошло; но и сама цель бунтовщеская лелеема была только как нечто весьма и весьма отдаленное; виновные готовились к бунту, но не условились приступить к исполнению и действовать насильственно".

Убедительные доводы Спасовича сыграли свою роль. Грозившая чете Прибылевых смертная казнь была заменена 15 годами каторги.

Это наказание было самым мягким среди всех приговоренных.

ПО ОЦЕНКЕ специалистов, наиболее ярко раскрылся талант Спасовича как адвоката в его выступлениях на политических процессах. Владимир Данилович защищал "государственных преступников" по десяти очень крупным и громким делам (нечаевцев, долгушинцев, "50-ти", "193-х", "20-ти", "17-ти", "14-ти"...)

Но, безусловно, были и малые дела. Психологически глубокой и убедительной стала его речь, произнесенная в защиту старшего фейерверкера Деметьева, преданного военному суду за неповиновение офицеру.

После обстоятельного разбора всех деталей этого непростого дела Спасович, обращаясь к судьям, дает сильную психологическую концовку: "Заслуженному фейерверкеру, георгиевскому кавалеру... приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели перед выстрелами турок...". В результате Деметьев был оправдан.

Владимир Данилович Спасович прожил долгую и интересную жизнь. Умер он осенью 1906 года в Варшаве. Имя его навсегда вписано как в историю русского юриспруденции, так и литературы.

Николай КАРТАШОВ

Владимир Спасович посвятил ряд статей творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, В. С. Соловьева, В. Шекспира, Д. Байрона, А. Мицкевича. В 1913 году в Петербурге был издан сборник сочинений Владимира Спасовича ("Сочинения". Тт. 1-10. 2 изд.).

БОЛЬШОЙ Советской энциклопедии Владимиру Даниловичу Спасовичу посвящено всего лишь десять оборотистых строчек:

"СПАСОВИЧ Владимир Данилович (16.1. 1829, г. Речица, ныне Гомельской обл., — 26.10.1906, Варшава), русский юрист, специалист в области уголовного права. Проф. Петерб. ун-та (с 1857), затем Училища правоведения. После судебной реформы 1864 — один из первых рус. присяжных поверенных, участник многих известных процессов, включая нечаевский. С. — автор многочисл. трудов в области уголовного права и процесса, в к-рых он выдвигал требования пересмотра архаич. русского права в целях его приспособления к новым, бурж. отношениям, возражал против крайне суровых наказаний, особенно смертной казни. Работал также в области истории права, авторского и акцизного права".

К сожалению, приведённый текст, а также другие тексты, содержащиеся в словарях и справочниках до 1917 года, не дают всей полноты информации о Спасовиче. А между тем, имя этого человека было широко известно в дореволюционной России. Коллеги по ремеслу заслуженно окрестили его "царь-колоколом суда", "величайшим адвокатом", "королем российской адвокатуры".

Иван Тургенев называл речи Спасовича блестящими, Иван Гончаров с гордостью говорил друзьям, что адвокат упоминал его произведение в своих судебных речах, а Салтыков-Щедрин считал Спасовича "самым солидным и дельным адвокатом из ныне действующих".

Не забыл рассказать читателям о Спасовиче ещё один классик русской литературы — Фёдор Достоевский: "Тут же, сейчас же явился и защитник, знаменитый Фетюкович, и как бы какой-то подавленный гул пронёсся в зале. Он был во фраке и в белом галстуке..."

Так литератор описывал в "Братьях Карамазовых" появление адвоката, прообразом которого стал как раз Владимир Спасович. Речь Фетюковича в романе заняла четыре главы. Заключительную главу писатель назвал "Прелюбодей мысли".

К слову, Достоевский терпеть не мог адвокатов. Тем не менее, о Спасовиче он не без восторга сказал: "Талант из ряда вон, сила".

ВРЕМЯ донесло до нас и облик этой авторитетнейшей личности второй половины XIX века. С фотографии на нас смотрит добродушное лицо. Короткая, клинушкой борода. Умный, пронзительный взгляд сквозь очки.

А живописный портрет, написанный великим русским художником Ильей Репиным, даёт нам ясное представление о профессии изображённого. Сразу чувствуется человек, привыкший быть на людях, говорить с ними, убеждать их.

Спасович изображён произносящим речь. Он обращается прямо к зрителю, смотрит на него в упор. Портрет необычайно динамичен, фигура вылеплена смелым, выразительным мазком, чувствуется её массивность, тяжеловесность.

Чем же заслужил такое признание в различных кругах тогдашнего общества Спасович? Чтобы ответить на этот вопрос, перелистаем страницы его яркой и насыщенной жизни.

НОВЫЕ КНИГИ

ЧУДО, ДОСТУПНОЕ КАЖДОМУ

Ирина ОРДЫНСКАЯ. "Матронушка". — М.: "Рипол-классик", 2019.

кончился богоборческий период жизни нашей страны и в ежедневный обиход жизни людей вернулась христианская вера. Стали возрождаться храмы, развиваться приходская жизнь, во множестве печатаются молитвенники, жития святых и другая богословская литература, многие годы бывшая малодоступной для основной массы населения.

Но для возрождения живой веры необходима и художественная литература, в которой говорить о повседневной человеческой жизни — но в свете живой христианской веры.

Одним из самых интересных авторов этой литературы является на сегодняшний день Ирина Ордынская, уже завоевавшая сердца читателей своими историческими романами о жизнях, переходящих в жития — блаженной Ксении Петербургской, преп. Сергия Радонежского, преп. Серафиме Саровском, преп. Андрее Рублёве и свв. Царственных мучениках.

Новую книгу Ирина Ордынская называет романом-притчей, то есть это повествование о коренных изменениях в жизни героев, содержащее в себе нравственное поучение, а точнее — мудрость, которую несет в себе христианское учение. В нём использован самый распространённый сего-

дня художественный приём — включение в ход обыденной, повседневной жизни элементов чудесного, то есть чуда, явленного героям в тяжкие для них моменты жизни.

Характерно, что в романе говорится о чуде, явленном не глубоко верующим людям, которые горячо молятся и просят о нём или заслужили его своим подвижничеством. Напротив, здесь чудо явлено тем, кто только приходит к христианской вере в результате явления ему этого чуда.

Оно предстает в виде "немолодой плотной женщины в тёмном платье в горошек", "на плечах" у которой "лежал белый платок", и которая в окружении людей, постоянно приходящих к ней за утешением и помощью, каждую ночь сидела "на расстеленном прямо на тротуаре толстом ватном одеяле" вблизи Покровского женского монастыря на Таганской улице Москвы.

Именно к ней, оказавшейся самой блаженной Матроной Московской, судьба, а точнее, Господь, в своем милосердии, приводит программиста Евгения, которому диагностировали раковое заболевание, и бездомную сироту Софью, забеременевшую от случайной связи и готовящуюся сделать аборт.

Ирина Ордынская показывает, как нелепо шли эти люди к вере и к тому, чтобы

жизнь их наладилась в соответствии и христианскими нормами жизни, а точнее — и это главное — она наладилась соответствии с истинной жизнью сердца, открытого любви, милосердию и взаимопомощи.

Роман читается в одно дыхание, поскольку написан увлекательно, с большой любовью к людям и с верой в то, что каждый, пусть и запутавшийся в житейских невзгодах, может всегда рассчитывать на милосердие Господа и помощь святых, незримо охраняющих нашу жизнь и всегда готовых прийти на помощь — было бы открыто навстречу им сердце человеческое.

Это роман о вере и надежде, переходящих в истинную любовь, которая привела героев романа не только к Господу, но и друг к другу.

Это случилось в ходе самой обыденной нашей жизни, и поэтому на это может рассчитывать каждый, в каком бы тяжелом положении он ни оказался.

Об этом — новая книга Ирины Ордынской.

В наше время, когда в огромном, буквально давящем, информационном поле, теряются простые, так необходимые для нормальной человеческой жизни истины, а скоростная связь и социальные сети, казалось бы, приближая людей друг к другу, на самом деле невероятно разобщают, такие книги жизненно необходимы. Они дают ориентиры, что делать, чтобы жизнь имела смысл и была, пусть и трудной, но не одинокой, а радостной.

Людмила ВЯЗМИТНОВА

НОВАЯ КНИГА известной христианской писательницы Ирины Ордынской — "Матронушка" — принадлежит к той литературе, которая начала развиваться после того, как в начале 1990-х годов

Очередная книга Лары Фелисион приурочена к юбилею. Книга в такой год — и нужное, и важное, и просто интересное дело. Это вообще — событие. Правда, немного беспокойное. Ведь это своего рода подведение итогов, пусть промежуточных, но всё равно.

Понятно, что невозможно включить в одну книгу всё, что было создано не за один год творчества. Тогда надо замысливать собрание сочинений. Но для этого время ещё не пришло. А как собрать лучшее? По какому принципу отобрать произведения? Ну, с рубриками Лариса справилась безусловно. С оформлением — тоже. Её видение своего литературного творчества меня всегда восхищало. Не всё, пожалуй, я воспринимаю однозначно. Но — сколько людей, столько и мнений. Своего не стану навязывать.

Лариса пишет так:

*На белом поле нового холста
Я выращу цветы и возведу строенья.
И будет жить оно, моё цветенье,
Игрою цвета, трепетом листа.*

Именно так Лариса и поступает — создаёт свой художественный мир в мире своей поэзии. Оформление своей книги — другая сторона её творческой личности, уникальная и необычная.

Критики не перестают нас убеждать, что мы сегодня живем в эпоху литературных репутаций, нахально пытающихся заменить собой собственно литературу. Опросы и рейтинги, шорт-листы — большие и малые. Премии и награды. Выступления и рецензии.

У Лары Фелисион тоже есть литературные премии и награды, но её нежелание об этом лишней раз упоминать вызывает уважение. Читатель ведь сам может оценить творчество автора. И совсем не важно, вошёл он в "лист" или нет. Мне важно — возьму ли я книгу с полки во второй, в третий раз. Буду ли возвращаться к творчеству поэта? Если в ней (книге) то, что дорого мне, о чем я никогда не задумывалась, но это тоже — как и поэта — меня волнует и восхищает?

Вот я и нашла объяснение своей нераспорочности. Мне всё время хочется что-то перечитать...

В новой книге у Лары Фелисион совсем не праздничное настроение. Наоборот, она склонна к размышлениям и созерцанию:

*Осень, осень растянула
Шлейф туманов и дождей*

*И стоит усталым мулом
В свете тусклых фонарей*

Но это, скорее всего, идёт от юбилейной даты. Как я её понимаю! И моему настроению так созвучны строки:

*Чем дальше в жизнь уходят годы,
Тем драгоценней каждый день.*

Лариса не прочь остаться один на один со своими мыслями. Потосковать. Помедитировать. Погрустить, погоревать, поплачаться, поскулить, понуть. Томится она в своём уединении. Но никак не унывает.

*Что же мне совсем не спится,
Всё смотрю, смотрю в окно.
Где парит седая птица,
Чем-то схожая со мной.*

Не от горя, не от беды, как мне кажется, приходит к ней меланхолическое настроение. И слава Богу! Наверное, хочется чего-то большего. Что-то не сложилось, не получилось: "Биться бабочкой нет причин, / Проще сразу упасть пыльюю."

Но ведь время ещё есть. Хотя позади уж точно осталось больше годков, чем ждёт нас впереди. Время прошло как бы вдруг, неожиданно. И с этим приходится примириться: "Я жду, но что? Кому расскажешь / Все таинства своей души..."

Но... Повторюсь в поэзии Лары Фелисион нет скорби, горести, уныния. Из меланхолического настроения она плавно перебирается в будущее: "Чтоб вновь за осенью усталой / Сугробом захрустел январь..."

Лариса часто говорит о дожде. И это тоже — настроение: "Сегодня день дожди накрапал / И притушил кленовый жар".

Или: "Настойчив дождь и беспокоен, / Бьёт по стеклу — терпи, окно..."

*Или:
Дождь безучастный
В тёмные окна стучит.
Будит тревогу.*

Зная Лару Фелисион не один год, мне хотелось свои рассуждения о её новой книге начать словами: "И жить торопится, и чувствовать спешит". Из стихотворения "Первый снег" (1819, опубл. 1822) Петра Андреевича Вяземского (1792-1878).

Но эти слова применимы к образу самой Ларисы, но никак не к её книге.

Мы привыкли видеть её деятельной, энергичной, отзывчивой. А ведь никто не знает, что таится в её душе. Точнее, то, что таится — отражается в её поэзии. И вот

«НА БЕЛОМ ПОЛЕ НОВОГО ХОЛСТА...»

Лара ФЕЛИСИОН. "После всех времён". — М.: КЦ "Фелисион", 2018.

здесь она и не торопится, и не спешит. Наоборот, за внешним образом яркого руководителя, энергичного человека скрывается ранимая душа душе тонко чувствующего человека.

В поэте важно увидеть не умение рифмовать или грамотно складывать буквы в слова и размещать на странице строфы. Таких умельцев сейчас много, и традиционно "балующихся" стихосложением творцов, и ловких программистов, пишущих правильные программы. И ведь здорово всё получается!

Но нужны ли нам красивые слова? Или удачно подобранные строчки? Поэт — в первую очередь личность, чем нам и интересен. Но это такие прописные истины, о чём даже говорить-то стыдно. Кто этого не знает?

Лара Фелисион — Личность. Человек, в жизни которого как у всех есть радости и печали, удача и неприятности. Но не всем дано передать своё видение мира так ёмко и трогательно.

Не могу сказать, что новая книга полностью раскрывает характер поэта. Многие остаются недосказанными. Но вот стремление Ларисы познать мир объясняют следующие строки:

*Учусь не ждать, учусь не верить,
Надежды я учусь чураться,
Чтоб с этой жизни не сорваться,
Учусь другою мерой мерить
Своё почти существование,
Своё почти очарование,
Своё почти остепенение,
Своё почти остервенение...*

Что ещё? Я так понимаю, что прежде чем писать абстрактные картинки, надо освоить классику. В этом смысле у Лары Фелисион "школа" есть. Да и в плане издания книги она с уважением и бережно относится к слову, к грамматике, к синтаксису.

Лара Фелисион в поэзии — человек не новый. В новой книге — обширный лексика, многообразная ритмика, и звукописи достаточно. Её поэзия живая, невероятно осязаемая визуально. Согласитесь, вот оно: "Синее небо плавает в старом пруду..." Или: "Льняное полотно зимы / Москва уже поизносила".

В новую книгу Лара Фелисион включила и прозаические зарисовки, которые мне особенно близки. И их воспринимаю как мазки художника краской по холсту. Но не случайные наброски, а осмысленно созданные мастером композиции. Элегантные. Легкие. Мудрые.

В поэзии есть другое — читаешь главу и как будто смотришь семейный фотоальбом незнакомой семьи. Видишь старые фотографии, и сердце сжимается: "Свет где-то там вдали, / Свет там, в чужом окне".

А может быть, и так: "Жмётся ночь к домам ослепшим, / Тянет дымку горизонт".

Время ушло, но жизнь продолжается. Ничего не вернуть. Но есть стихотворения Лары Фелисион, возвращающие нас в прошлое "в зеркале старом трещинки линий судьбы".

Новая книга Лары Фелисион только философски-ностальгическая. Есть главы —

посвящения, есть японские сонеты. Обо всём не рассказать сложно, как невозможно кратко отметить все достоинства её поэтического дара.

Скажу лишь об одном. Лариса — большой мастер удачных сравнений: "Синица желтого черешней / На ветке зреет поутру..."

Или: "Лапы прибой выше гуляющих дам". Вот еще удачный пример: "Туда, где оживает тишина, / Роскою светлячковой под луною".

И это, по-моему, удачно: "Ночь, развязав пояс, / Сбросила платье".

Оцените: "Окна выцвели огнями, / В лунную глядят зеницу". И наконец: "Стекло отражает заката кипящий круг".

Примеров приводить можно много. Лара Фелисион поэт (и прозаик) яркий. Самобытный. Пропускающий счастье и боль через свое сердце.

В ее сердце действительно сходятся и конфликты жизни, и ее мирное течение. Но порой нюансы бытия волнуют нас куда больше, чем громкие потрясения.

*Всё живо сменой сил и смыслов,
Всё применимо в жизни к ним
И пламенеет солнца нимб
Свои разбрасывая искры...
А мы живём, а мы летим...*

Марина ЗАМОТИНА

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

АЛЕКСАНДРУ БОБРОВУ – 75!

Правление
Московской городской организации
Союза писателей России
сердечно поздравляет
известного русского писателя,
члена Правления
Союза писателей России

Александра Александровича БОБРОВА

с 75-летием.

Дорогой Александр Александрович!
В дни славного юбилея
желаем Вам крепкого здоровья,
хорошего настроения
и вдохновенного творчества!

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ВЫБОР

Выбираю совесть, а не страх, —
Мне Россия сердце подарила,
На её берёзовых ветрах
В отчем слове — праведная сила!
Больше жизни Русью дорожу,
Никому издревле не покорной,
Хоть и рвётся ворог за межу,
Тянет жало к чистоте соборной.
Никогда иудам не понять,
Что навеки, свято и сурово,
Встала за Россию Божья рать
И — плечом к плечу — солдаты Слова!

* * *

Где же ты, друг мой далёкий?
В тайных узорах каких?..
Бродишь ли ты одинокий
Иль среди лиц дорогих?

Годы, рассветы и реки
Зябко меж нами текли,
Имя твоё, как доспехи,
Строки мои берегли.

Шли за тобой по проспектам,
Шли за печалью, скорбью,
Шли по затерянному метам...
Но... потеряли тебя.

Где ты, заветный, не знаю.
Хватит ли вспомнить нам сил?
Я ли тебя забываю...
Ты ли меня отпустил?..

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЕРМОНТОВУ

Выхожу на старую дорожку...
Так когда-то выходил поэт.
Успокоит лунную тревогу
Несказанный лермонтовский свет.

И сквозь шёпот демонов, в бессилье
Сеющих на землю грусть и страх,
Слышу шорох белоснежных крыльев
Ангелов, парящих в небесах,

Нина ПОПОВА

Что такое поэтическое Слово для творца? Это — ответ незакатного света
всего Сущего... Слово, концентрируя миллионы световых лет в один
росчерк пера, вовлекает поэта в энергетический вселенский поток, даря
этим радость и боль, свет и тьму, нутряную силу и пронзительную
беззащитность, неутолимое желание и желанный покой...

ЖЕНЩИНАМ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Им рухнула на худенькие плечи
Такая ноша — Боже, упаси! —
И вдовий плач, и кровь, и боль увечий,
И смерч войны, и стон родной Руси.

Но лёгкой доли женщины не ищут:
Уж так у нас ведётся испокон:
Им поднимать страну из пепелища,
Тайком молиться у святых икон.

Им ждать-пождать с войны
родных подранков:
Любимых сыновей, мужей, братьёв.
Лечить их раны и терпеть их пьянки —
Никак не могут выйти из боёв!

Так мало хлеба, а беды так много.
Но негасим лампадок тихий свет!
Российских женщин вечная дорога...
Ну, а другой дороги просто нет.

* * *

Юный месяц бросил мне на плечи
Серебром украшенную шаль.
И затеплил окна, словно свечи,
Озаряя призрачную даль.

Тонкой, невесомой поволокой
Стелется по городу туман.
Дышит безмятежно и глубоко
Вдаль идущий звёздный караван...

Помолчи, ты слышишь? Не спеши,
Лучше разговаривать молчаньем,
Сохраняя в тайниках души
То, что там хранилось изначально.

Не нужны ни письма, ни звонки,
Чувства в них не станут дорогими,
Словно птицы, улетят с руки,
Разделяя высоту с другими...

* * *

Глядит печальными глазами,
Знобит оборванной струной...
Как молния под небесами —
Так истина предо мной.

Хоть я давно не верю в сказку,
Обещанную под луной,
Судьбы жестокою подкаску
Я принимаю, милый мой.

Порой смотрю на мир с насмешкой,
Считая трудные года,
Но осудить кого-то в спешке
Я не посмею никогда.

Всё как сложилось — так сложилось,
Всё как срослось — так и срослось.
Небес божественная милость
Нам не давалась на авось!

Моё душевное смятенье —
Как избавительный рассвет,

* * *

Ты такой сегодня светлый,
Мой родной, любимый мой,
Ясным солнышком согретый,
Возвращаешься домой.

В нашем доме печь воркует
И в дожди, и в холода.
Печку-матушку такую
Сделал ты не без труда.

За окном — сквозная просинь,
И в печи огонь живой,
Пряный дым смолистых сосен
Дружит с этой синевой.

Вот пирог — во рту растает...
Позабудь про все дела!
О тебе всю жизнь мечтаю,
Я весь день тебя ждала.

* * *

Ну где же ты, моя синица?
Зачем ты улетила вдаль?
Теперь мне будет долго сниться
Мечты надменной вертикаль.
Пернатую, тебя держала,
Кормила ласково с руки.
Но я тоски твоей не знала,
Небесной неземной тоски.
Я поневоле оказалась,
Прости, тюремщицей твоей.
А ты рвалась — какая жалость! —
В простор некошених полей.
Я без тебя осиротела,
Синица милая моя.
Поверь, я вовсе не хотела
Тебя сменить на журавля!

* * *

Тень старого сада уснула
На тёплых коленях скамьи,
А яблоня ветви пригнула,
Едва не коснувшись земли.

И ветер, горячечно-душный,
Как будто ни с кем не знаком,
Лишь бредень вдоль озера сушит,
Оставленный здесь рыбаком.

Бурлит разнотравье степное —
Ромашка, татарник, жасмин...
И, солнце прикрыв золотое,
Синеет небесный сатин.

ВОСПОМИНАНИЕ

Солнышко тронуло землю,
Сонно склонилось к земле,
Ветер, закату не внемля,
Зорьку принёс на крыле.

Бабушка стряпает ужин,
Дышит белёная печь,
Чайник пыхтит: я простужен! —
Хочет вниманье привлечь.

Кошка на лавке заснула,
Пахнет овчиною плед.
Сяду на краешек стула
В доме, которого нет...

МНЕ РОССИЯ СЕРДЦЕ ПОДАРИЛА..

О высоком и печальном чувстве
Со звездой звезда заговорит...
В иностранцы записали русских,
Выдали на жительство нам вид.

Эта ночь, разодранная в клочья,
На туман похожий горький дым,
Воронье нахальное пророчит
Горькую судьбину молодым.

Поле брани пролегло сквозь хаты,
Сквозь могилы дедов и отцов...
И спешат погибшие солдаты
С журавлиным клёкотом на зов.

Сотни лет кровавого причастья,
Горя, слёз, предательства и смертей...
Где же нам обещанное счастье
Господом, Которому видней?

Накренилось золотое солнце,
Зори братской кровью налились,
Каин вновь над Авелем смеётся,
Братья вновь на битву собрались...

О, поэт, пророческой строкою
От братоубийства охрани!
Что ж никак не обрести покоя
Тем, кто были рождены людьми?

* * *

Кому ветра поют,
Кому ветра пророчат
И тайно гнёзда вьют
В свиной гулкой ночи?

И чью печаль-тоску
Мотают по чужбине...
И чей курок — к виску,
Чья кара на осине?

Чей чёрный человек,
Судьбу и жизнь порушиет,
Возьмёт во тьму навек
Измученную душу?!

Ветра, что испокон
Взмывают пламя ночи,
Летят со всех сторон,
Обугливая очи.

И слепнет род людской,
И Божий мир — темница.
Утративший покой
Над всем и вся глумится!

... Пусть воют ветры всласть,
Как волки, жертву ищут,
И каркает напасть
Над серым пепелищем.

Но не всевластна тьма:
Спешат ветра ины,
На пашни и дома
Льют ливни золотые.

И веришь — места нет
Ветрам тем окаянным,
Где незакатный свет
Над миром осиянным!

* * *

Лукава в самой малости,
Но истиной не жертвуя
И правды не тая,
Не в складности и ладности,
И не парадным шествием
Идёт судьба моя.

Сквозь ветры белогорские,
Дыханье Дона-батюшки,
Степные ковыли,
Сквозь улочки московские,
Напевы Волги-матушки
И вечный зов земли.

Сквозь берега чужбинные,
Что слыше мне завещаны,
Сквозь тайны, что храню,
Сквозь грусть-тоску полынную,
Лелея слово веее,
Пишу судьбу свою!

* * *

Я боли познала немало,
А счастье вместились в горсти.
Однажды я всё же устала
Житейскую ношу нести.

Опять загрустила по свету
В объятиях глухой тишины.
Я песнею стала несметной,
Я стала зимой без весны...

И в этом отвергнутом мире
Лишь звёзды в небесном раю
Мне льдисто надежду дарили
У света и тьмы на краю...

Чтоб песней я снова взлетела,
На зов отозваться сумела,
Чтоб я отогреться сумела,
Мне много не нужно тепла!

ОСЕНЬ

Чем-то пронзительно русским,
Чем-то забытым давно,
Чем-то прощальным и грустным
Осень дышала в окно.

Листья дрожали на клёнах —
Осень к листве не добра,
В гулких полях отдалённых
Стыло сквозное "вечера"...

Этой размытостью серой,
Этой палитрой скупой
Осень мне сердце согрела
Перед суровой зимой.

Что-то крылато и вольно
Вдруг вострепенулось в груди,
Стало не грустно, не больно —
Стало светло впереди...

* * *

Потерпи немного, подожди,
Видно, доля выпала такая,
Нам с тобой попутчики — дожди
И туман от края и до края.

Как хрупкой жизни притяженьё,
Которого прочнее нет...

* * *

Не шелохнётся тихое окно.
Не скрипнет дверь под тёплой рукой.
Покажется: настал давным-давно
Насильно мне навязанный покой.

Свинцовой взвесью дождик моросит,
Смывая солнца тёплые следы,
И по щербинкам придорожных плит,
Текут потоки сумрачной воды.

И я стекаю в тот водоворот,
И каплею горячюю кружусь,
Скользну под щелью стареньких ворот —
Ни в этот двор, ни в мир я не вернусь.

Наверное, не просто так мне дан,
Как исповедник,
Этот хмурый дождь,
Чтоб смысл с души ненужный старый хлам
И слов пустых назойливый галдёж...

* * *

Ты мне больше не верь,
Утомлённая ложью душа.
Моим клятвам теперь
И сама я не дам и гроша.

Пусть свободы глоток
Не щадит ни тебя, ни меня.
Пусть шальной кровотоком
Закипит от любви и огня.

В перекрестье путей,
Под прицелом неласковых глаз,
Путь из лжи и потерь
Стал вдруг выбором здесь и сейчас.

Ты мне больше не верь,
Отпусти и не вздумай страдать...
Волей меченый зверь —
На свободу я вырвусь опять!

* * *

Я весной быть мечтаю!
Кто мне может помешать?
Чтоб сосульками растаять
И сиренью засиять.

Буду дождиком и ветром,
Сладкой ягодой в бору.
Я зажгусь зарёю летом
И рябиной на ветру.

Я могу и то, и это,
Ты не веришь? Ну и пусть!
Я прольюсь дождливым светом,
В небо радужой вернусь!

Стану серебром водицы
И тропинкой на лугу.
Чтоб тебе весной сниться —
Всё на свете я смогу!

ПРОЗА

ОЧЕРЕДНОЕ дежурство по гарнизону. Грязно-желтый, выдавший виды "пазик" жалобно побряхтывает возле входа в помещение оркестра.

Мы — солдаты-срочники, вооружившись надраенными до неестественного блеска инструментами, топчемся на месте в молчаливом ожидании. Курим одну за одной, втягивая едкий дукатовский дым, не задумываясь почти, что он, прежде чем проникнуть в лёгкие, перемешивается с запахом выхлопных газов автобуса.

Замечаю, как моя физиономия карикатурно отражается в зеркальном раструбе валторны одного из сослуживцев. Вспоминаю детство, "Комнату смеха" в городском парке. Тогда было действительно смешно...

Слава богу, большой барабан у меня сегодня деревянный. Таскаться с железным по кладбищенской не основательно замерзшей грязи было бы верхом несправедливости. Сверчи, как всегда, не в меру весёлые и злые. Их пошлые "бородатые" шуточки вынуждают меня отойти чуть в сторону. Издали чувствую их болезненное нетерпение. Видимо, кто-то уже подсуетился, занавив пару поллитровок на время долгой дороги. Наконец доносится бодрящее: "Пора..." Садимся... Выдвигаемся...

У "духа" Жени Мисина, уроженца славного уральского города Миасса, первый за службу жмур. Сидит беспокойно, беспрепятственно ерзает, нервно перебирая озябшими пальцами вентили тубы, которая почти одного размера с ним. Рост Жени — метр пятьдесят. Кто-то из старослужащих зло пошутил, сказав, что по неписаным законам военно-оркестровой службы, в "первый жмур" "духам" полагаются целовать покойника в губы. Жени поверил. Потому и трясется теперь, боязливо косясь на прожженных "дедов". Но иногда все же, словно подбадривая себя, мужественно поправляет очки, с силой вдавливая оправу в покрасневшую переносицу. Готовится боец!

Разливают поило. В этот раз я ошибся. На дворе девятностый год, водки днём с огнём... Поэтому технический спирт — почти что напиток богов. По правде говоря, начальство выделяет его для самих инструментов, чтобы вентиляционные механизмы медно-духовых на морозе не крикнулись. Но на начальство сверчам плевать. Оттого используют "ог-

Иван ЕВСЕЕНКО

ВЕЧНЫЕ ПОХОРОНЫ

ненную воду" по своему усмотрению, то бишь внутрь.

В этот раз на брата приходится почти по стакану. Стакан один на всех. Пьют залпом, но мелкими глотками, аскетично занюхивая безначинковой карамелью "Снежок". Выпив, почти синхронно закуривают и начинают забывать "козла".

Меня, как всегда, чуть подташнивает на заднем сиденье. То ли от подпрыгивающего на неровностях дороги автобуса, то ли от спёртого запаха в нём. Коктейль из технического спирта, сигарет "Дымок" и карамели "Снежок" — самый недорогой коктейль в мире... Некоторые солдаты не выдерживают, засыпают, неудобно подложив ребристые фуражки под стриженные головы.

"Странно, — справившись с тошнотой, про себя рассуждаю я, — почему мы сегодня в фуражках, а не в шапках-ушанках? Переход на зимнюю форму одежды давно позади... Видимо, хороним какую-нибудь шишку. Отставного генерала или полковника..."

Доиграв, сверчи утихомириваются и тоже постепенно отходят ко сну. Пилить еще минут сорок.

За окном промозглый бесцветный ноябрь. Ни снега, ни дождя. Оттого делается еще зябче. Скорей бы настоящая зима. Со снегом теплее и уютнее.

Прохождение, торопящиеся по своим гражданским делам, вызывают зависть. И нет им дела до нас. Вот бы мне так... Счастливые... Служить еще месяцев семь, это если без залётов, а так — и до сентября могут продержаться...

Я не выдерживаю напыля упаднических мыслей и тоже засыпаю, приладив голову к обшарпанному кадлу барабана.

Сняты домашние, неестественно большие пельмени, почти манты. Затем фабричные заварные кольца с творогом и обитая рыжим дерматином дверь родного дома... Я подхожу к ней, жму на звонок и...

— Шевелим ногами! Выплёвываемся! — раздаётся хриплый голос старшины.

Домодедовское — самое мерзопакостное кладбище из всех московских. Ни

одного деревца. Обглоданные ранними заморозками кусты черноплодки, и то по периметру. Широченное голое поле с желтыми холмиками, отдалённо напоминающими детские песочные куличики. Невдалеке по пояс раздетый могильщик роет яму. Пропорционально накачанный и не по-советски загорелый, чем-то походит на Жана-Клода Ван Дамма. Мне становится нестерпимо холодно при виде него. Где-то метрах в пятидесяти от нас по широкой песчаной дороге тянется очередь разноцветных катафалков и их сопровождающих. Кажется, что хоронят здесь не переставая, и днём и ночью. Вечные похороны...

"Красный, чёрный, голубой, выбирай себе любой!" — неудачно пытаюсь пошутить я.

Конец этой очереди не видно. Глядя на увлечённого работой могильщика, начинаю: смерть — самое прибыльное занятие в нашей стране...

До Жени наконец доходит, что его жестоко обманули. Искренне радуется и расслабляется. Сверчи же цинично подтрунивают над ним, да и мы тоже не заставляем себя ждать...

Забивают третий гвоздь. Вступая не вместе, душевно выдаём Шопена. Не люблю "романтистов", особенно в переложении для духового оркестра. Куда больше по сердцу "венские классики". (Они так и остались незапятнанными.) Слышится женский вопль. (Наверное, хорошим человеком был тот генерал или полковник...)

Но нас он совсем не трогает. Ни генерал, ни вопль по нему. Что поделал? Иммунитет... Влопыхах выдуваем гимн: "Славься, Отечество наше свободное..."

Воспроизводить дробь на большом барабане с помощью одной колотушки в заиндевевшей руке — почти искусство. Заставляют испуганно вздрогнуть выстрелы в воздух — типа салют. За полтора года службы так и не смог к нему привыкнуть.

Наконец-то все кончилось... Идем бодрым шагом к автобусу. Скорей бы в казарму и, как говорят стройбатовцы: "на массу"...

По пути наткнемся на скромно организованные похороны ребенка. Гроб бледно-розовый, маленький. Очень маленький... Провожающих трое: седоватый старик лет шестидесяти пяти и парень с девушкой, чуть за двадцать.

Вдруг начинает идти снег. Первый в этом году. Крупнокалиберные хлопья покрывают за полминуты розовый ситец, и он выглядит еще более бледным.

Между тем, смахивающий на Ван Дамма могильщик говорит провожающим, что вроде как пора. Девушка обречённо кивает. Гроб медленно опускают в яму и потихоньку начинают засыпать коричнево-ржавой землей. Старик не выдерживает и, пряча лицо в ладони, плачет.

Тут с девушкой случается истерика. Она что-то грубое выкрикивает в адрес парня и отчаянно трясёт его за рукав пуховика. Неожиданно её нога соскальзывает, и она падает в яму, прикрывая собой припорошенный гроб от летящих с совковой лопаты комьев земли. Старик и парень неумело помогают ей выбраться.

Через какое-то время сладковатый запах корвалолола доносится до меня запахом самой смерти. (Эта ассоциация останется в моем сознании навсегда.)

Ошарашенные увиденным сверчи шепотом матерятся, но неожиданно замолкают. Мы тоже молчим. Молчим до самых Хамовнических казарм...

Дмитрий КРАСНОВ

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

СМЕРТЬ — субстанция нежная, безусловно пугающая, пугающая своей неотвратимой близостью, неожиданностью и чаще всего неуместностью появления, неясностью дальнейших перспектив, вытекающих из этой неизбежной и малопривлекательной встречи.

Перспективы у основной массы граждан неутешительны.

Одни, не веря ни в Бога, ни в чёрта, понимают эту встречу как последний миг своей краткой, чаще всего никчемной жизни, за которым следует только смердящая своей материалистической простотой могила, наполненная требухой бывшего живого тела. Эти, чаще всего преуспевающие, люди, стремятся взять от жизни всё, потому что завтра может и не наступить. Они губят упрямым неверием и неугомонной жаждой наживы свои и чужие бессмертные души.

Верующие же чаще всего приходят к концу жизни с неподъёмным багажом придуманных и действительных грехов и с депрессивным осознанием того, что "легче верблюду пройти через угольное ушко", чем им недостойным войти в Царство Божие.

Александр Соколов, перекидывая уголь на ленту транспортёра в котельной высокого давления, о таких материях не размышлял. Дембель был на носу, и мысли были не о погрузке и разгрузке, а о родном доме, о полузаброшенной деревне, о младших братьях, которых у него было трое. И конечно о том, как он вернётся в деревню в форме ефрейтора военно-космических сил, и будет рассказывать млеющим от его геройского вида девушкам, как он выводил на орбиту спутники-разведчики, и как доблестно защищал небо Родины от американского империализма, пока его подруга Людка спала с сыном председателя развалившегося колхоза.

И как раз в этот момент смерть пролетала мимо, спеша прибраться в небесные эмпиреи на Божий Суд всем надоевшего пьяницу и богохульника прапорщика Сидоркина. Это ложь, что смерть старая и с косой — она разная. К Сашке она пришла стройной девчонкой, сильно смахивающей на ядрёную вышеупомянутую

Людку, эротическую мечту всех колхозников его села, дееспособных в плане секса.

Смерть, заметив статного молодого парня, застыла в удивлении, хотя, видимо, за несколько тысяч лет перевидала всех писаных и неписаных красавцев. От него веяло жизнью, неосознанной надеждой, ни на кого не направленной любовью, любовью к жизни.

Позабыв о прапорщике Сидоркине, она стала любоваться, как солдат споротбивал куски угля и кидал их на ленту транспортёра. Бугры молодых мышц туго переливались под потной гимнастёркой, и на испачканном угольной пылью лице проступала, как ясное весеннее солнце, беззаботная здоровая улыбка.

Мысль пригласить к себе в гости этого пышущего жизнью и нравственной чистотой парня завладела смертью. Нести в своих объёмах смердящего спиртом и чесноком прапора смерти показалось отвратительно. Сашка всем своим видом как бы говорил — смерти нет, есть жизнь, вечная и прекрасная, полная надежд и любви. Это наглядное отрицание её существования и неосознанный протест были неприятны смерти.

Она кинула большой кусок угля между лентой и барабаном транспортёра, и когда беспечный боец, не подозревая о кознях сил потусторонних, потянулся, чтобы удалить уголь, она бессовестно зацепила его перчатку за соединительные болты ленты и чуть быстрее повернула барабан транспортера.

В последний миг Сашка почувствовал, как на него повёло холодной истомой, он всем своим нутром ощутил близость этой страшной и притягательной женщины, и хотя пытался сопротивляться надвигающейся развязке, но как-то нехотя, вяло.

Её одурманивающая близость притягивала его, манила, обещала наслажде-

ние вечного покоя и избавление от всех проблем и тревог. И, поспротивлявшись скорее для вида, ведь боец космических сил не может сдаться без боя, он дал барабану захватить свою плоть и размножить гнетом железных килограммов.

Но когда он уже находился на пике блаженного покоя и освобождения от материального бремени, ему смертельно захотелось увидеть мать и братьев.

Смерть щедро подарила своему избраннику ещё несколько дней мучительной агонии, желая продлить удовольствие, получаемое от всепоглощающего, полного обладания. Она упивалась сладострастным мигом победы, победы над жизнью. Её приволил в экстаз этот трагический и неизбежный стриптиз — момент полного оголения трепещущей, стыдливой души, перед её циничным, оценивающим взглядом.

Когда Сашку затащило под барабан по грудь, включилась система безопасности, и транспортёр остановился. Пронзительно ревели сирена, оплакивая растерзанное, молодое солдатское тело. Прибежавшие сослуживцы доставили его в местную больницу, где бессильные врачи инъекциями стимуляторов и обезболивающих пытались поддержать угасающую жизнь.

Нищенская армейская казна выделила матери солдата деньги, и та, не имея никаких средств для помощи сыну, желая хоть чем-то его порадовать, привезла ему одно-единственное яблоко, такое же румяное, как его недавно здоровые, а теперь пылающие предсмертным жаром щёки.

Мать видела, что сын умирает, и не хотела в это верить, сердце отказывалось понимать такую вопиющую вселенскую несправедливость. Умирал её старший сын, её опора. Сын, который заменил младшим братьям отца, кото-

рый ничего не сделал в этой жизни плохого.

Она встала на колени перед яблоком, олицетворявшим всё то, что Сашка так любил, и просила у Бога даровать сыну жизнь, однако из каких-то высших соображений, недоступных нам, смертным, молитва эта не была услышана, а может, просто осталась без ответа.

Наутро яблоко стало чёрным, гнилым и сморщилось. В этот же день мать целовала остекленевшие глаза сына, умершего в грязной районной больнице.

Лицо Сашки было таким же чёрным, как яблоко, морщины предсмертной агонии исказили его щёки и лоб. Но его душа, чистая и ослепительно сияющая, удалялась в космические дали, которые так доблестно защищал боец, и летела с ним рядом женская душа, прекрасная и нежная, до которой, как до неба, было далеко его бывшей возлюбленной Людке.

Вы спросите, куда они шли? Не знаю. А прапорщик Сидоркин живёт и смердит поныне, в своей тесной и грязной каптёрке, продавая по дешёвке свою душу и военное обмундирование.

ГОЛОСА

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА

ВИДИТ ДУША
РАДУГУ ЧУДНУЮ...

Памятник на века создал
Скульптор Клыкков наш Вячеслав,
Чтобы дух святой охранял
Русь, главнейшую из держав.

Искушение перед крещением
Дух мой бродит бесприютный
В окнах города ночного,
По карнизам ходит смутный,
Отлучённый от земного,
Птицей плачет, ветром стонет,
Дух по счастью тоскует,
Да не там приюта молит,
Не того в ночи целует.
Кружатся деревья-птицы,
Так душа моя хотела:
Полететь и не разбиться.
Вниз, на камни, сбросить тело.

ПОСВЯЩЕНИЕ МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Любимой картиной Марины Цветаевой
было полотно В.Сурикова "Боярыня
Морозова".

Колени нищего с мороза розовы,
Ах, ветер свищет как! —
Везут Морозову.
Орут проклятия вослед саням.
Как на распятие, везут меня.
Была боярыня, да стала пленница.
По коже след огня, но не изменница.
Кричит под пытками душа-расколница,
А не раскается, а не расколется.
— Пытайте, нехристи, казните первую.
Я буду крест нести, я крепко верую!

Верую в первый январский снег...
Верую в близких, которых нет...
Верую: выше любовь, чем боль!
Верую: я навсегда с Тобой.
Клятвы тихи, да как сталь уста.
Жизнь и стихи — это два перста!

ЗА КАДРОМ КАРТИНЫ В.СУРИКОВА
"БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА"

Земляная тюрьма — тьма!
Как от бед не сойти с ума?
Сторожит день и ночь стрелец.
На Христе терновый венец.
Над тобой же порой звезда.
Лучик солнца есть иногда,
А всё чаще сверху песок.
Неужели жизни итог?
Не подняться вверх, не сбегать.
Как стихи, молитвы спаяты.
Остаётся вера — молись!
Есть за гробом лучшая жизнь!

МЕЧТА О ПОСЕЩЕНИИ ХРАМА

Скоро сотни свеч заслонят
Человеческое лицо.
Пред иконой они горят.
Я в платке взойду на крыльцо,
И приду в это храм сама,
Словно жизнь, зажигаю свечу,
За порогом холод и тьма,
Я люблю светом — молчу.
И сама истаяю свечой.
Я пришла в этот храм не зря.
Золотой живой аналой
Мне открыла любви заря.

ВЕРА В БОГА ДЛЯ СМЕЛЫХ

Страшно верить в Бога мне,
В эти неземные силы,
Думать, что горят в огне
Те, кто Господу не милы.
Страшно пост мне соблюдать,
Не грешить; всё откровенно
В исповеди миг сказать.
Видно, я не совершенна.
Страшно верить в Бога мне.
Верит смелый, трус боится.
И не верить страшно мне:
Без защиты очутиться.
Утром Господу молюсь.
Верить в Бога вновь учусь.

К РАССКАЗУ И. БУНИНА "ЭПИТАФИЯ"

Крест при берёзе
от детства до старости —
Для поселен это было святым.
Сколько в нём грусти,
Сколько в нём радости!
Воспоминаний радужный дым,
Утро на Троицу, звоны пасхальные,
Шумные свадьбы, кукушке мольбы,
И у дороги кресты погребальные.
Чувство глухое: мы Божьи рабы.
"Русь уходящая", Русь ослеплённая.
Крест при дороге мёртво молчит.
Возле окончилась жизнь потаённая,
Тучей другая эпоха летит.
Чем освятят там жизнь свою трудную?
Наших крестов не понимать, не поднять.
Видит душа радугу чудную,
Хочет, как птица, в небо взлетать!

Юрий РЫЧЕНКОВ

ПРИШЛА ПОРА
О БУДУЩЕМ МОЛИТЬСЯ...

* * *

Когда с утра печаль и морось,
И лист в дубраве золотится,
И день в зарю ныряет скорый,
Не успевая нарядиться;

Когда грустнее птиц трели,
И поутру роса мерцает,
И в полдень солнце еле-еле
Мир замирающий ласкает, —

Печальны осени приметы.
Мы холодох зимы вдыхаем
И уходящий голос лета,
Внимая, лучше понимаем...

* * *

Николаю Ремизову

Все люди разные, но мне милы не те,
Кто в жизни никогда не ошибался,
Кто был всегда, везде на высоте,
Кто никогда ни в чём не сомневался.

У них всегда во всём избыток сил,
Они всегда удачливы и всё же...
Хотел бы я того, чтоб рядом был
Совсем другой, кто на меня похожий.

Вот с ним хотел бы ношу я нести
В мороз и слякоть, и жару, и вьюгу —
Он даже если упадёт в пути,
То, встав, спешит помочь подняться другу.

* * *

Мягкой свежестью пахнуло.
Небосвод сверкнул.
На лугах трава уснула,
Замер летний гул.

Месяц силу набирает,
Катит колесом.
Звёзды дальние мерцают
Зыбким холодком.

Редко свет затмит седая
Медленная тень,
И в немой тиши вздыхает
Ночь, светла как день...

СТАРИК РОССИИ

Идёт старик, понурив плечи
Почти не поднимая ног,
Среди людей он бесконечно,
Неумолимо одиноко.

О чём он думает, сердечный,
В толпе, ненужный никому.
И жизнь мгновеньем скоротечным,
Быть может, жажется ему.

Он помнит май и шёлот утра
В чужих поверженных краях,
И гром победного салюта
Ещё гремит в его ушах...

Но годы долгие согнули
Бойца сапёрного полка,
И, может, смерть, как вражья пуля,
Ждёт в переулке старика.

МЕЧТА

Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!
С. Есенин

По скрипящему снегу морозной зимой,
Щуря глаз от разящего света,
Я шагнул вдоль домов по деревне родной
И скакал, не стесняясь, при этом.

Под ветлой одинокой стоят старики,
Согреваясь, дымят самосадам,
С удивленьем, смотря на смешные прыжки,
Провожают неласковым взглядом.

Пахнет детством из труб
сладковатый дымок,
Снег по пояс — скребётся в оконца;
За околицей старый дружок — родничок,
Как хрустальный, сверкает на солнце.

Над леском красноватым небес изумруд,
Кружит голову даль белизною;
Небольшой полыньей
дышит маленький пруд
С голубой ключевой водою.

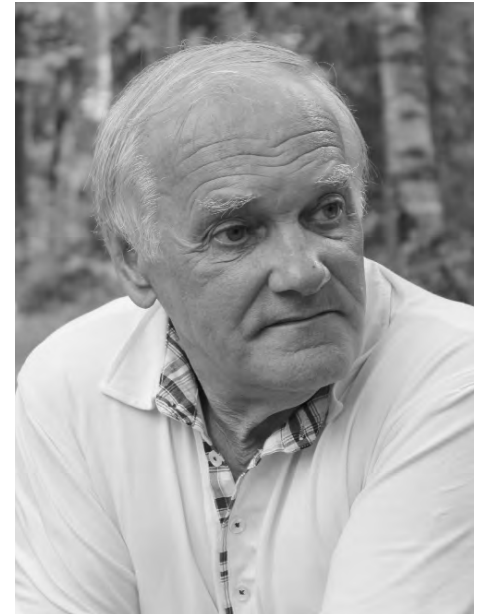
Край суровый и нежный, в полуденный зной,
Под осенней печальной мглой
Ты прекрасен своей вековой красотой,
Мне ж милее порой снеговойю.

ВРЕМЯ "НЕ"...

Поутру на московском вокзале
Тут и там гомонит толчея.
Окружив, не меня провожали
На гудящем перроне друзья.

И не я в одиночестве скромно
На людское смешенье глядел.
И не мне репродуктор напомнил
Путь, где поезд стоит "Марий Эл".

Я не путник и не провожатый.
Время мне принесло приговор...

А когда-то... Ведь было когда-то,
Я смотрел на манящий простор.

Поезд тронет. Перрон опустеет.
И не мне шум других городов...
Только чувства больней и острее
И спокойнее времени зов.

ПРИЯТЕЛЬ

Он был темнее тучи,
Когда меня узнал,
И говорил, что случай
Меня ему послал.

Не виделся — прилично,
И я бы не узнал,
Но он, окликнув зычно,
К груди моей припал.

И зачастил словами,
Дрожа и щуря глаз,
Что он в какой-то яме
Безвылазно уяз.

Что бедолаге нужно —
Участие, совет?...
А из него наружу
Беда ползла на свет.

Но вдруг умолк — и напе:
Стремится улизнуть!
А я ему: "Приятель,
Беду-то не забудь".

* * *

День был нахмурен и обыден,
Но бушевал весенний пир.
И с удивлением увидел
Я вдруг помолодевший мир.

И сердце тронуло томленье,
И пелена слетела с глаз,
Когда в немом оцепененьи
Взглянул на землю в ранний час.

Я ощутил дыханье ветра,
Постигнул жизни торжество.
С былинкой белой неприметной
Почувствую кровное родство.

Я обитал в ночи беззвёздной,
Того не видел, что имел...
Как жаль, что я прозрел так поздно,
Какое счастье, что прозрел...

* * *

Внезапно тучи поглотили просинь,
И день нырнул стремительно в закат,
За ним и лето обратилось в осень, —
Мне жёлтый лист сегодня, как собрат.

Какие дни!.. Успеть бы насладиться
Любим из них, чего ж ещё желать.
Пришла пора о будущем молиться,
Пришла пора былые вспоминать...

* * *

А за окном опять весна
Вот-вот, вот-вот начнёт буянить,
И никого уж не обманет
Ночного снега белизна.

Уж солнца нежные лучи
Погожий день теплом ласкают
И на пригорках подгоняют
Ещё несмелые ручьи.

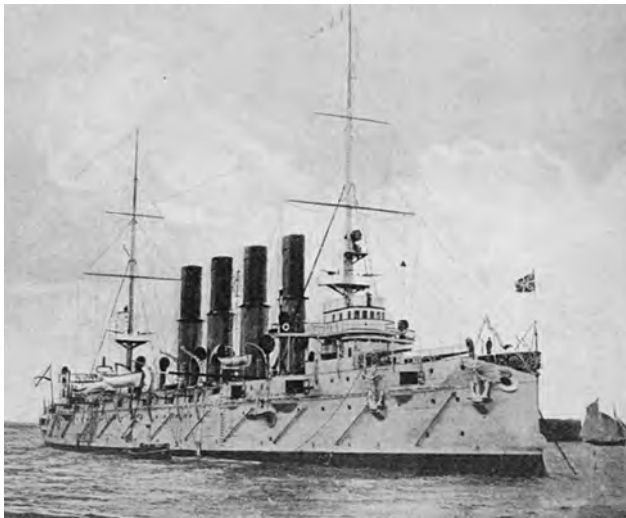
Напишешь вешних вод, они
Потоком пенным понесутся,
И в сердце томно отзовутся
Весной разбуженные дни.

Не все ж уныло вьюгам нить,
Весна поёт другие песни.
И мы затаем с нею вместе,
И значит, будем, будем жить.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»: «ЖИВОТ ПОЛОЖИТЬ —
НО ГЕРОЙСКИ ПРОРВАТЬСЯ В ВЕКА!»

115 лет назад, 9 февраля 1904 года состоялся знаменитый бой российского крейсера "Варяг" и канонерской лодки "Кореец" с японской эскадрой. Но так и не закончена другая "битва" — за честь героев, чье имя и подвиг все еще пытаются ошельмовать недалёкие "исследователи" или откровенные враги России. И ныне чуть ли не любая статья, даже в изданиях, не отличающихся слишком смышленым либерализмом, делает вывод: "Да, конечно, русские моряки сражались героически, но сражение они проиграли, урона врагу не нанесли, сделали кучу ошибок..."

ТОМУ ЖЕ командиру "Варяга", капитану первого ранга Рудневу, постоянно вменяется в вину множество "упущенных шансов". И то, что он не помешал высадке японского десанта в порту Чемульпо и начал свой прорыв не ночью, а днём. И взял с собой тихоходный "Кореец", вместо того, чтобы воспользоваться преимуществами скорости своего корабля. Наконец, после боя (и то якобы "слишком быстро законченного") не взорвал "Варяг", а затопил на мелководье, так что его вскоре подняли японцы. Собственно, на этот основании отдельные авторы в совсем уж запредельной злобе к Рудневу даже намекают: не за то ли японский император наградил его орденом, что в руки Японии стараниями нашего капитана "попал прекрасный боевой корабль"?

Конечно, подавляющее большинство этих обвинений абсолютно беспочвенны. "Варяг" никак не мог помешать высадке японцев в Чемульпо, корейском порту, потому что до объявления войны любые военные действия против них были запрещены инструкциями и приказами.

Тем более что небольшой отряд наших кораблей в этом месте напрямую подчинялся российскому дипломатическому представительству, а командованию Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре — лишь во вторую очередь. Да, впрочем, накануне начала русско-японской войны связь с последним, усилиями контролировавших телеграф японцев, оказалась фактически прерванной. "Прорыв с использованием преимущества в скорости хода" в направлении того же Порт-Артура выглядит гладко лишь на бумаге с изложением подобных "размышлизмов". Дескать, "по паспорту" "Варяг" мог дать 23 узла в час, а самые быстроходные японцы — 21 узел — вот и "ключ к спасению".

На деле же, есть много данных о том, что "ходовая часть" нашего крейсера спустя несколько лет эксплуатации находилась уже в настолько плачевном состоянии, что ей требовался капитальный ремонт. В качестве доказательства этого момента часть исследователей приводят тот факт, что "Варяг" изначально был построен в качестве крейсера. Но на момент описываемых событий был передан в распоряжение русской дипломатической миссии в качестве "гибрида" "плавучей базы" и "посыльного судна".

Действительно, крейсер ведь — это не просто один из видов боевых кораблей, исходя из мощности его вооружения. Это — сборное понятие, подразумевающее необходимость таких кораблей "крейсировать", регулярно проходить определённым маршрутом. В первую очередь, для нарушения морской торговли враждебных стран, для конвоирования собственных торговых судов. И лишь в самую последнюю очередь, для морских сражений с боевыми кораблями противника.

Формально "Варяг" имел для таких задач все основания. Солидный "запас хода" в 6 тысяч миль, упоминаемая выше скорость, позволяющая с одной стороны догнать любое торговое судно (или караван) противника, с другой стороны — уклониться от боя с превосходящими силами врага.

А солидное водоизмещение в 6 с лишним тысяч тонн давало возможность не только запасать большие объёмы угля, но и, при необходимости, складировать наиболее ценный груз с задержанных и потопленных вражеских транспортов. А также содержать в трюмах, до момента доставки в свой или нейтральный порт, пленённые команды, как это и было предусмотрено международными конвенциями "крейсерской войны".

И вдруг такой вроде бы идеальный "рейдер" командова-

ние посылает на задание, с которым бы справилась и любая тихоходная "калоша", вроде броненосцев старой постройки, стоящих у причалов Порт-Артура?

Да в том-то и дело, что реально "Варяг" мог держать ход (долго, во всяком случае) от силы 13-14 узлов. Потом в оборудовании котлов начинали лопаться трубки, что, помимо прочего, приводило ещё и к ожогам паром кочегаров и машинистов. Так что высказываются сомнения даже в том, а смог ли бы вообще "Варяг" дойти до Порт-Артура самостоятельно?

Не потому ли Руднев 8 февраля, потеряв связь с эскадрой, послал на базу "Кореец", хоть и однозначно тихоходную, но более надёжную канонерскую лодку? Которой, впрочем, выполнить задание не удалось — торпедированная японским миноносцем (к счастью, увернувшись от торпеды), канонерка вынуждена была вернуться в Чемульпо.

НО, ДОПУСТИМ, "Варяг" действительно сохранял в полной мере свои тактико-технические характеристики, в том числе, и в скорости хода. Но преимущество в последнем, в сравнении с самыми быстроходными "японцами", в том числе, и с их самым мощным кораблём, броненосцем "Асама", было всего-то в 2 узла! То есть, при условии погони японской эскадры за российским крейсером, последнему удавалось бы отрываться от нее всего на 2 мили ежечасно. Между тем, максимальная дальность прицельной стрельбы из морских орудий того времени — до 16 миль. Так что обстрел "Варяга" продолжался бы 8 часов.

Да, конечно, с увеличением дистанции точность попадания однозначно бы уменьшалась. Но ведь в самый первый момент боя, где-то около часа-двух, "артиллерийская дуэль" шла бы на расстояниях почти что "выстрелов в упор". И на нашем корабле был бы сконцентрирован огонь сразу шести японских, при том, что вес их суммарного "бортового залпа" превышал наш более чем в 5 раз!

Что это означает на практике, показывает даже элементарное сравнение потерь личного состава на "Варяге" и близком ему по классу знаменитом крейсере "Аврора" в не менее знаменитом Цусимском сражении.

Первый за неполный час ожесточённого обстрела превосходящих сил противника потерял 3 десятка убитыми и до 200 человек ранеными. "Аврора" же, сражаясь почти 6 часов, но против сравнимых по количеству и суммарной боевой мощи вражеских кораблей, за это время потеряла убитыми 14 матросов (впрочем, и командира, убитого осколком снаряда, влетевшего в боевую рубку, тоже) и 83 ранеными.

Так ведь "Варяг" до самого "близкого" из японских кораблей приближался на расстояние всего на 4 км, 2 мили с небольшим. С остальными перестрелка велась на куда более солидном расстоянии — в 4 мили (7,4 км) и больше. И то, этих десятков минут хватило, как минимум, на то, чтобы японские снаряды вывели из строя все вентиляторы, а как без них кочегарам держать максимальные пары в раскаленных кочегарках для поддержания самого полного хода — они ведь живые люди, а не "терминаторы"? Кроме того, были повреждены привод руля, большинство орудий и передний дальномерный пост.

СОБСТВЕННО, врагам насчёт вывода из строя вооружения российского корабля и стараться было-то особенно не надо. В угоду достижения максимальной скорости "Варяг" пытались при строительстве максимально облегчить. Вот и "дооблегчались" до того, что вроде бы солидное количество 152-мм пушек, 12 штук, расположенных на палубе, не имели даже лёгких бронированных щитов, защищающих комендоров! В итоге большинство последних и было убито и ранено к концу даже этого скоротечного боя. Японским фугасным снарядам, начиненных "шимозой", не обязательно было даже попадать в корпус нашего корабля — взрываясь вблизи его, при ударе об воду, они своими осколками быстро выводили из строя орудийные обслуги.

Так что шансов у "Варяга" (не говоря уже о "Корейце") даже просто прорваться через в несколько раз превосходящие его силы врага не было вообще. На дворе уже не XIX век силы, когда тонущему кораблю можно было попытаться хотя бы взять противника "на абордаж", сойдясь в "рукопашной". Которая, впрочем, тоже закончилась бы для экипажа "Варяга" плачевно, ввиду колоссального преимущества японцев не только в орудиях, но и численности матросов на эскадре.

Впрочем, наш корабль к абордажу никто бы и не допустил — расстреляли бы из тяжёлых пушек еще на подходе. Броня-то у героя была чисто "символической" — от силы 38 мм, в полтора-два (а то и в четыре) раза тоньше, чем у врага. Это был классический "легкий крейсер".

Так что, после выдержанного с честью неравного боя, у моряков "Варяга" было, по сути, лишь два выхода. Первый — просто уйти на дно, не нанеся противнику уже вообще никакого дополнительного урона. Пушки-то больше частью разбиты, дальномер тоже... И второй — вернуться в порт и уничтожить корабли самим, перед этим высадив экипажи на берег, попытавшись спасти людей от уже бесмысленной гибели.

Этот вариант и был выбран. А что "Варяг" не был взорван, так на этот счёт есть несколько версий.

Официальная: капитана Руднева попросили не делать этого коллеги — капитаны иностранных боевых кораблей,

стоявших в порту "Чемульпо". Ведь при взрыве солидного оставшегося в погребах боезапаса невзорвавшиеся снаряды могли разлететься на очень большие расстояния и натворить немало бед.

Неофициальная: Руднев рассчитывал, что война вскоре закончится победой России, и тогда его корабль можно будет без особого труда поднять и вернуть в строй.

В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, стеньга насчёт того, что "командир сдал врагу прекрасный корабль", не приходится. Потому что этот самый "прекрасный корабль" японцы, хоть и подняли с небольшими повреждениями, но так и не рискнули использовать в качестве чего-то большего, чем просто учебное судно. Видно, правы всё-таки те, кто утверждает, что "Варягу" перед гибелью требовался, как минимум, капитальный ремонт, да и то без особых гарантий возвращения к "паспортным данным".

Ну а объявлять награждение Руднева японским Орденом Восходящего Солнца неким "гонораром за предательство" — это уже вообще за гранью не только добра и зла, но и просто элементарной логики. Если серьёзно, конечно, то вручение второго по значимости ордена воюющего государства вражескому капитану — уникальный случай в истории.

Нет, конечно, в описании самых блестящих побед флотоводцев самых разных стран зафиксировано немало примеров, когда адмиралы призывали своих подчинённых брать пример с мужества даже побеждённых, но храбро сражавшихся врагов.

Но тут случай особый. Японцы не только вручили высокую награду своей страны капитану-герою. Они на протяжении минимум двух десятилетий ещё и организовали, и поддерживали работу в оккупированной ими Корее... музея памяти "Варяга"!

Не для оккупированных корейцев и возбуждения в них мужества для борьбы с оккупантами, конечно. А как раз для воспитания мужества у себя самих — солдат и матросов, офицеров японской армии и флота.

Той же цели служил и поднятый после затопления "Варяг" — переименованный в "Союзу", учебное судно японских ВМС. Но буквы на корме, со старым названием корабля-героя, новые хозяева судна-героя убирать не стали — тоже уникальный случай в военно-морской практике.

Всё дело в том, что смысл подвига "Варяга" не в количестве якобы потопленных японских кораблей или даже только в нанесённом им уроне. Он в другом — в готовности выйти даже на самую безнадежную битву, чтобы не уронить честь, вместо того, чтобы сдаться в плен. А это очень близко самурайской традиции, свято соблюдаемым воинским сословием Японии. "Самурай всегда должен стремиться к смерти!", — записано в их кодексе Бусидо. Впрочем, там же, чуть позже, говорится в духе, что лишь в таком случае можно рассчитывать на победу — и сама смерть бежит от такого бойца без оглядки.

ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ войну при захвате американцами (после ожесточённых боёв, конечно) оккупированных японцами островов в Тихом Океане из японских гарнизонов в 10-15 тысяч человек победителям удавалось взять в плен иногда лишь десяток солдат, обычно тяжело раненых, потерявших сознание. Зато сами — что американцы, что англичане — сдавались японцам в плен в 1942 году очень даже резво. Не без сопротивления, конечно, но как только считали, что шансов на победу уже не осталось. В то время как "умирать по-самурайски", сражаясь до конца, им как-то не хотелось...

Подвиг крейсера "Варяг" признан во всём мире. Не только японцами — знаменитую песню написал австрийский поэт, восторженные статьи о героях-моряках разместили многие европейские газеты. И песня эта, переведённая поэтессой Евгенией Студенской, стала буквально "крылатой" и в дореволюционной России, и в Союзе, превратившись в своеобразный "гимн" людей, готовых идти на смерть, но не сдаваться.

Её пели и экипажи тонущих боевых и гражданских кораблей, и даже отрезанные огнём при пожаре в гостинице "Россия" в 1977 году, обречённые на гибель люди.

Ведь то, что стоит за словами песни "Врагу не сдается наш гордый "Варяг"...", выходит далеко за обстоятельства лишь того давнего боя. Это отражение самых древних, благородных архетипов человеческого общества. Когда настоящие аристократы, элита без кавычек, не по формальному происхождению, а по духу, гордо отвергают возможность спасти жизнь ценой позора, идя в последний, пусть и "бессмысленный" с точки зрения "приземлённой", мещанской логики, бой.

И это не только общеизвестные эпизоды воинской доблести, как, например, двухмесячное сопротивление окружённых защитников Брестской крепости или героическая борьба воинов и гражданского населения во время двухлетней блокады Ленинграда...

Так что память о подвиге "Варяга" будет жить в веках, пока будет существовать человечество.

Если, конечно, там ещё останутся люди, достойные называться этим именем — а не трусливые расчётливые и эгоистичные ничтожества, в которых так старается превратить население планеты доминирующая глобалистская идеология.

Юрий НОСОВСКИЙ

<p>Редакционный совет: БОЯРИНОВ В.Г. (Председатель Совета) ЗАМШЕВ М.А. БОГДАНОВ Ю.Н. КАЛИНИН В.В. СИЛКИН В.А. СОРОКИН В.В. ФРОЛОВ В.Г.</p>	<p>Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5111 от 04.08.2000 г.</p>	<p>Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б.Никитская, 50-А/5, стр.1, тел. (495) 697-00-60 факс (495) 690-20-05 Электронная версия: www.moslit.ru e-mail: glukoza2010@yandex.ru Рукописи не рецензируются и не возвращаются</p>	<p>Учредитель и издатель — Московская городская организация Союза писателей России.</p>	<p>Главный редактор Иван ГОЛУБНИЧИЙ Ответственный секретарь Юрий БОГДАНОВ</p>	<p>Отпечатано в филиале ГУП МО «КТ» «Мылтинская типография» с готовых оригинал-макетов Тираж 1000 экз. Подписано в печать 25.02.19 Заказ 171 Объем 2 п.л.</p>
---	--	--	---	--	--